

Die Strafexpeditionen im Sibirien im Jahren 1905-1906. Dokumente und Materialien.
Moskau-Leningrad, 1932.

Ewertzki A. P. Aus dem Tagebuch des Lt. Ewertzki, Strafzüge nach Sibirien 1905-1906.

*Wichtig! Die Telegramme und Meldungen
von PAUL R.*

Е Н Т Р А Р Х И В

417
6680-9
К-635

АРАТЕЛЬНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ
В СИБИРИ В 1905—1906 ГГ.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

ПОДГОТОВИЛ К ПЕЧАТИ
В. МАКСАКОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1932 ЛЕНИНГРАД

4132-36
Иркутск
19.12

Редактор *Т. Рейхберг*. Технич. редактор *И. Зенкевич*.
Сдано в производство 27/III 1931 года. Подписано к печати 8/III 1932 года.
С. 45. Соцэпгиз № 149/м. Ленгорлит № 36612. Зак. № 77. Формат бумаги
62×94/16. (50000 тип. знак. в 1 печ. л.) Печати. листов 28. Тираж 3000 экз.
Вышла в свет Март 1932 г.

РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ В СИБИРИ В 1905—1906 ГГ.

С конца 1904 г. в Сибири начинает усиливаться стачечное движение. Экономические забастовки в обстановке военного времени в ближайшем тылу действующей армии сами по себе носили политический характер. Летом 1905 г. прокатились по Сибири волны политических стачек. Застрельщиком стачечного движения являлся сибирский железнодорожный пролетариат, — в первую очередь таких центров, как Чита, Красноярск, Иркутск. После октябрьской всеобщей политической стачки, перераставшей в ряде городов в вооруженное восстание, революционное движение в Сибири вплотную подошло к захвату власти.

В Сибири скорее, чем где бы то ни было, русско-японская война вскрыла перед лицом широких масс рабочего класса и крестьянства то «несоответствие между народом и правительством, которое видно было доселе только небольшому сознательному меньшинству», вскрыла «несовместимость самодержавия с интересами всего общественного развития, с интересами всего народа (кроме кучки чиновников и тузов).»¹ Война тяжелым бременем ложилась на население Сибири. Города Сибири и Забайкалья были переполнены тыловыми учреждениями: складами, лазаретами с огромными штатами «продажных и тунеядствующих» военных и гражданских чиновников. Тяжелая повинность содержания «на постое» мобилизуемых солдат в городах легла главным образом на городское население: ремесленников, мелких торговцев и т. д. Острый продовольственный кризис в Восточной Сибири, как результат чрезвычайно слабой пропускной способности Сибирской ж.-д. магистрали, занятой исключительно провозом призванных солдат в снаряжении, продовольственных грузов для армии, уже в 1905 г. вызвал волнения на продовольственной почве (К... сток продовольствия в городах, вызвавший на улицу «... хлеба» городскую бедноту, резко ощущался и в де... уху волновалась из-за отсутствия и необычайного дорож... жков первой необходимости. В прокламации Иркутского комитета положение в феврале месяце рисовалось так: «В городе наступает голодное время. Хлеба хватит ненадолго. Мяса и других припасов мало. Все дорого теперь, а будет еще дороже. Чем дальше, тем хуже. Страшный голод уже не за горами, а за плечами. Само начальство с часу на час ждет голодного бунта... Голод не в

¹ Ленин. Сочинения, т. VII, стр. 46—47.

...рода и в особенности крестьянства — за полную свободу, за последовательный демократический переворот, за республику! Во главе всех трудящихся и эксплуатируемых — за социализм. Такова должна быть на деле политика революционного пролетариата, таков классовый лозунг, который должен проникать и определять собой решение каждого тактического вопроса, каждый практический шаг рабочей партии во время революции.¹

Вопрос о восстании и захвате власти стоял в Сибири в порядке дня, как непосредственная задача. Фактически восстание было налицо. Необходимо было придать ему более организованные формы, расширить его рамки. Необходимо было «переходить в наступление», не ожидая наступления врага, так как... «оборона — смерть всякого вооруженного восстания; оно потеряно прежде, чем померяться силами с врагом; нападай врасплох на врага, пока его полки рассеяны...»²

Сибирские с.-д. организации в 1905 г. «не достаточно усвоили себе эту истину», «недостаточно учились сами и учили массы этому искусству, этому правилу наступления во что бы то ни стало», отстали от роста и размаха движения.³ Полная неосведомленность о положении дел в Европейской России, оторванность с.-д. организаций Сибири от центра и друг от друга, отсутствие единого руководства во всесибирском масштабе, отсутствие четкой, определенной линии в некоторых организациях (напр. в Иркутской, находившейся под сильным влиянием меньшевиков) по основным вопросам политического момента чрезвычайно осложняло обстановку.

Момент к переходу в решительное наступление был упущен.

В спешном порядке гарнизоны Читы, Иркутска, Красноярска освобождались от революционно настроенных запасных, посредством досрочного отпуска их по домам. На место их в таком же спешном порядке продвигались войска действительной службы: в Читинский полк, в Иркутск — Иркутский и Енисейский, в Красноярск — Омский и Красноярский. Усиленно с Дальнего Востока передвигалась демобилизуемая маньчжурская армия.

По получении известий о подавлении восстания в Москве местные власти начали мобилизовать силы.

В Иркутске были арестованы бастующие чиновники правительственного телеграфа. Одновременно город был объявлен на положении чрезвычайной охраны. На улицах стала появляться полиция. Были запрещены митинги. В ночь на 1 января было объявлено военное положение и арестовано подавляющее большинство членов иркутской партийной организации. Начались массовые аресты.

В Красноярске с приближением Омского и Красноярского полков власти приступили к ликвидации завоеваний революционных дней. Была отобрана типография, захваченная советом рабочих и солдатских депутатов, фактически закрыта с.-д. газета «Красноярский рабочий», на улицах появилась полиция. Под угрозой разоружения, 2-й ж.-д. запасный батальон покинул казармы и укрепился в ж.-д. мастерских вместе с рабочими. Здесь революционные солдаты и рабочие наме-

¹ Ленин. Сочинения, т. VIII, стр. 105.

² См. Ф. Энгельс. «Революция и контрреволюция в Германии», стр. 99—100.

³ Ленин. Сочинения, т. X, стр. 51.

ревались встретить врага. Красноярский с.-д. комитет призвал к всеобщей забастовке, бойкоту офицеров, участвующих в осаде мастерских, отказу в уплате налогов и податей и помощи осажденным. Через три дня осажденные вынуждены были сдаться.

Оставалась Чита, где к этому времени велась усиленная подготовка к восстанию. Захваченное читинскими рабочими в огромном количестве оружие рассылалось по всем станциям Забайкальской жел. дороги вплоть до Иркутска. Почта и телеграф перешли в руки городского управления. По требованию рабочих были освобождены матросы «Прута» из Акатуевской тюрьмы и арестованные в Чите (Кривоносенко и др.). В начале января состоялся 1-й съезд профессионального союза рабочих Забайкальской ж. д., все делегаты которого, за исключением двух, оказались членами РСДРП.

Делегаты съезда повезли из Читы винтовки и патроны.

К этому моменту относится весьма важное выступление харбинской с.-д. большевистской группы, отколовшейся от меньшевистского Харбинского с.-д. комитета. В ответ на призыв Красноярского комитета РСДРП о помощи осажденным в ж.-д. мастерских, харбинская большевистская группа обратилась с воззванием к солдатам, в котором, сообщая о восстании в Москве, писала, что «правительство не хочет везти солдат в Россию, чтобы они там не вступились за своих восставших жен и детей. Правительство осадило железнодорожные мастерские в Красноярске, хочет остановить поезда. Без рабочих поезда не пойдут. Выбирайте своих начальников, подъезжайте с винтовками на выручку красноярцев». На состоявшемся в те же дни (в конце декабря и начале января) рабочем съезде Китайско-Восточной жел. дороги, прошедшем под руководством той же харбинской большевистской группы, было принято решение о «полном революционном захвате всей власти на линиях в руки стачечных революционных комитетов», «при поддержке со стороны вооруженной силы войск». Было решено «в агитации среди войск подчеркивать необходимость скорейшей перевозки войск с оружием в руках на защиту народа...»

В этих документах харбинские большевики наметили единственно правильный путь развертывания революционной борьбы. К сожалению, призыв харбинской группы мог быть услышан только в Маньчжурии и Забайкалье. В начале января, как мы говорили выше, Красноярск и Иркутск, еще до прибытия карательных экспедиций, выбыли из строя.

Такова была обстановка в Сибири к концу 1905 г.

***

Посылка карательных отрядов в Сибирь была частью общего плана борьбы самодержавия с революционным движением. В декабре 1905 г. уже действовали карательные отряды в Прибалтике, на Моск.-Казанской ж. д. и т. д.

С. Ю. Вите в своих «Воспоминаниях» инициативу организации карательных экспедиций в Сибири приписывает себе. Он сообщает, что на необходимость «решительных мер» в Сибири он «многократно» указывал «великому князю Николаю Николаевичу, военному министру, начальнику генерального штаба ген. Палицыну» и наконец «написал

государю»... «Я предложил такую меру: выбрать двух решительных и надежных генералов, дать им каждому по отряду хороших войск... и предложить этим начальникам во что бы то ни стало восстановить порядок по Сибирской дороге и открыть на ней правильное движение» (д. № 59). Николай II приписывает инициативу этого предприятия «Николаше», т. е. Николаю Николаевичу Романову. «Николаше пришла отличная мысль, которую он предложил — из России послать Меллер-Закомельского с войсками, жандармами и пулеметами в Сибирь до Иркутска, а из Харбина — Ренненкампа, ему навстречу», — пишет Николай II своей матери 12 января 1906 г. (д. № 60).

Кому в действительности первому пришла в голову эта «отличная мысль» — Витте, Николаю Николаевичу или Редигеру — это существенного значения не имеет.¹ Ясно только, что вопрос о «водворении порядка» в Сибири был предметом серьезнейших забот высоких правительственных сфер и самого Николая II. И Николай II и Витте прекрасно понимали, что «отсутствие войск в России существенно осложняло как внутреннее, так и международное положение России», как писал С. Ю. Витте. Понимали они также, насколько в еще большей степени было бы осложнено внутреннее и международное положение, если бы они, по словам Дурново, получили «вместо войск толпу вооруженных бунтовщиков» из Сибири. Это «может угрожать даже существованию государства», писал, получив известия из Сибири, министр внутренних дел Дурново ген. Сухотину.

Первые документальные сведения об организации карательных экспедиций относятся к 13 декабря 1905 г., когда Николай II отправил зашифрованную телеграмму главнокомандующему ген.-адъютанту Линевицу с «повелением» «безотлагательно возложить на генерал-лейтенанта Ренненкампа восстановление среди всех служащих на Забайкальской и Сибирской железных дорогах полного с их стороны подчинения требованиям законных властей» (д. № 45).

Любопытно, что о данном Ренненкампу поручении министр внутренних дел Дурново узнал лишь 23 декабря.

Это объясняется, конечно, главным образом тем, что в Петербурге вопрос шел о манчжурской армии. В этом вопросе дирижерская палочка находилась в руках военного министерства, действовавшего все время с ведома Николая II.

Решение о посылке второй экспедиции — с запада на восток — под начальством ген. Меллер-Закомельского — состоялось 20 декабря. С. Ю. Витте предлагал дать полномочия на организацию карательной экспедиции навстречу Ренненкампу командующему Сибирским военным округом ген. Сухотину, но это царем было «признано невыполнимым по недостатку сил у ген. Сухотина».

24 декабря ген. Линевиц получил телеграмму о назначении ген. Ренненкампа, 29-го он сообщил об этом ген. Ренненкампу, который известил начальника штаба ген. Палицына, что он 9 января выезжает из Харбина в Манчжурию. «Буду действовать, — писал в этой телеграмме Ренненкампу, — по обстоятельствам, прибегая к полевому суду, при вооруженном сопротивлении расстреливать без суда». Одновременно

¹ Ср. записки А. Ф. Редигера о 1905 г. «Красн. архив», т. XLV, стр. 87—117.

ген. Ренненкампу сообщил о назначении ген. Линевицем вр. и. об. военного губернатора Забайкальской области в Чите ген. Сычевского, человека решительного, преданного правительству» (д. № 70).

* * *

Ген. Меллер-Закомельский выехал из Москвы на восток в ночь на 1 января, имея в своем распоряжении отряд в составе 200 человек. К этому отряду на ст. Иннокентьевской был присоединен отряд подесаула Алексева, посланный ген. Сухотиным в начале января из Омска по линии Сибирской жел. дороги и 300 человек Верхнеудинского полка на ст. Верхнеудинск.

В первый же день отряд ген. Меллер-Закомельского приступил к действиям. На ст. Узловой запасные, «проведав, зачем едет отряд», стали, по словам участника экспедиции, поручика Евецкого, «ругать нас и бросать в вагоны поленья» (д. № 95). «Пришлось нескольких избить прикладами» — телеграфирует об этом ген. Меллер-Закомельский военному министру (д. № 76). Поручик Евецкий не без цинизма отмечает в дневнике: «В этот день сломали два приклада. Если так будет дальше, мы рискуем сделаться безоружными» (д. № 95). Почти на каждой станции карательному отряду приходилось сталкиваться с эшелонами запасных, следующих «в полном беспорядке». «По мере возможности привожу их в порядок» — телеграфирует ген. Меллер-Закомельский военному министру. Меры, которые отряд применял для этого, сам ген. Меллер-Закомельский называл в телеграмме ген. Палицыну «довольно крутыми». Поручик Евецкий дает довольно красочное описание этих мер: «При освобождении от незаконно севших запасных пассажирского поезда, один из них схватил за винтовку ефрейтора лейб-гвардии С.-Петербургского полка Телегина и ударил его по голове. Телегин вырвал винтовку и ударил запасного штыком. Штык прошел насквозь»... Или: «часовой толкнул запасного в затылок, тот ударил его по лицу... Подбежали несколько артиллеристов, и запасный от них убежал на вокзал. За ним вошел и Писаренко. Там было 200—300 запасных, которые начали роптать, а один из них обругал Писаренко, тот выстрелил в него, и остальные присмирели... Запасный, в которого стрелял Писаренко, ранен в живот и вряд ли выживет»... «Нижние чины, — по словам того же Евецкого, — позаволили себе нагайки. Сначала для наказания применялись приклады, но Меллер нашел эту меру чересчур суровой, и, по предложению Марченко, стали наказывать шомполами, но шомпола отбивали руки, и люди завели себе нагайки».

В Челябинске и Омске ген. Меллер-Закомельский получил новые сведения о Чите, в связи с чем он ускорил движение отряда на восток. «Спешу за Иркутск — перехватить беглецов из Читы» — телеграфирует он ген. Палицыну (д. № 76, тел. № 47).

По пути к Иркутску карательный отряд задержался на ст. Иланская, где оставил после себя десятки убитых и раненых рабочих ж.-д. депо. Ген. Меллер-Закомельский в телеграфном донесении об этом говорит, что на ст. Иланской «несколько рабочих убито, ранено и арестовано, остальные разбежались». Поручик Евецкий в своем дневнике дает

жуткую картину «Иланской бойни». «Подходим, — пишет он, — депо и натываемся на Марченко и Заботкина. — Что у вас? — «Уж готово» — «Хорошо», — нервно говорит Заботкин. — «Как дело было?» «Когда подходили к депо, я приказал сопровождающему жандарму указать выходы из депо; тот говорит, что сам ничего не знает. Действовал наугад; разделил пополам людей, петербуржцев с Писаренко отправил на противоположный конец депо в обход, а сам отправил вот прямо. Марченко отстал — запыхался, и я сам с передовым прошел в депо. Пришлось протискиваться между паровозов, и нас оказалось человек 6 против 150—200. В это время из них кто-то выстрелил кто-то бросил молотком. Приказал стрелять. Людям повторять не пришлось. Тем временем еще подошли. Они побежали в разные стороны. Кто-то из них выпустил из паровоза пар. Тут закричали: «Сейчас взорвет». Но кто-то из людей бросился на паровоз и закрыл пар. Все таки пару набралось много, действовать было трудно. Их вытаскивали из-под локомотивов, даже из топок. Сопротивлявшихся прикалывали. Тут подошли казаки, и их пустил, хотя из-за этого может произойти несчастье — у них шинели темные — могут принять за рабочих. Зато действуют молодцами — везде отыщут, кто не выходит, изрежут кинжалами». — «А когда пар был выпущен, дышать можно было?» — «Трудно — пришлось вывести людей на несколько минут, а затем, когда пар разошелся, снова ввести». Я отправился к Писаренко. У него тоже люди ходили в депо арестовывать. Он обошел депо кругом и стал у противоположного выхода. Скоро раздались выстрелы, и рабочие толпою повалили к выходу. У него было всего 20 человек, и он встретил их залпом. Бросились обратно. Некоторые пытались спастись через окна. Ловить их было некогда и их, как бегущих, подстреливали. О количестве убитых и раненых сообщения были различны. Заботкин приказал Марченко послать унтер-офицера сосчитать, и тот еще не вернулся. Писаренко его видел и говорил с ним; тот доложил, что убитых около 30 насчитал. У входа в депо валялись около 10 трупов, в депо слышались стоны. Оттуда выносили раненых и выводили арестованных. Я вернулся доложить Меллеру. Когда я докладывал сведения о числе убитых и раненых, вмешался Сыропятов: «Нет — жандарм считал: убитых 17, раненых 11». Доказывать противное было бесполезно — ни у одного из нас не было доказательств. Начинают приводить партии арестованных. Стоны — несут раненых. Первого раненого в ногу я проводил до больницы (люди не знали дороги) и распорядился призвать врачей. Скоро из ж.-д. больницы пришли сказать, что у них нехватает перевязочных средств. С разрешения барона распорядился выдать из нашего запаса; кстати, спросил у врачей, сколько они насчитали раненых — около полусотни, но многих перевязывал фельдшер. Несут раненого без сапог; офицер спрашивает: «Так и было?» — «Никак нет. Несли мы мимо казаков, кто-то кричит: «Падажды!» Мы остановились. Казак подбежал, станцил сапоги-лакерки и говорит: «Лакированные» — и ушел, а лакерки спер... (д. № 95)

Чем дальше двигался отряд ген. Меллер-Закомельского на восток, тем более свирепые формы принимали его действия. Из Иркутска Меллер телеграфировал Ренненкампу: «Утром 15-го займу ст. Байкал, перехватить бегущих от вас мятежников. Телеграфируйте о положении

дел в Чите. Пришлите поезд с отрядом для связи со мной и очистки всех попутных станций за Читой».

«По дороге, на станциях, — записывает в этот день Евецкий в своем дневнике, — осматриваем встречные поезда, проверяем документы и отбираем оружие. Марцинкевич контролирует телеграф. Телеграфистов, уличенных в передаче телеграмм противоправительственного характера и отказе передать высочайшую депешу, наказали на платформе в присутствии других служащих нагайками. Сурово были наказаны два телеграфиста в Селенге...»

На ст. Мысовая, куда с большими предосторожностями отряд ген. Меллер-Закомельского прибыл ночью на 16 января, Меллер получил телеграмму ген. Ренненкампа с просьбой «оказать ему активное содействие и помочь атаковать Читу с двух сторон».

Было решено 18 января поздно вечером выехать по направлению к Чите. В связи с этим возник вопрос о судьбе арестованных. Дневник Евецкого дает подробное описание зверской расправы, произведенной Меллер-Закомельским в Мысовой над арестованными.

«Возник вопрос, — записывает в своем дневнике Евецкий, — что делать с арестованными. Барон решил: «Ну что нам с ними возиться? Сдать их к чорту жандармам». Разговор происходил за обедом, и, услышав это решение Меллера, Марцинкевич просит разрешения барона доложить ему об одном арестованном. Рекомендует его завзятым революционером, чуть ли не устроившим всю российскую революцию, отказавшимся передать высочайшую телеграмму и силою заставлявшим делать то же других.

— Ну что ж? Так расстреляем его! — говорит спокойно Меллер, попыхивая сигарой и отхлебывая Марго. Все молчат. Марцинкевич докладывает еще о двух.

— Ну трех расстреляем, — также невозмутимо говорит барон. Вмешивается Ковалинский и докладывает еще о двух революционерах.

— И их расстрелять».

Заботкин докладывает об арестованном вчера переодетшемся солдатом и ставит вопрос так: «Ведь возможно, что благодаря таким переодетавшимся и возникла в известных партиях мысль о возможности присоединения армии к революционному движению». Меллер и этого решает расстрелять. Кто-то докладывает о Копейкине, которого просил расстрелять Сыропятов. Тарановский и Энгельке напоминают, что Сыропятов не озаботился еще не только присылкой протокола на него, но и ответом на телеграмму.

— Ну сдайте его жандармам, пусть везут в Иркутск. А этих семерых расстреляем сегодня вечером». — Кто-то докладывает: «Не семерых, а шестерых».

— Шестерых, так шестерых! — поправляется барон.

Тарановский рассчитывает, сколько человек надо назначить. Кн. Гагарин начинает волноваться. Слышу: «Нет, почему же? ведь это обидно — и тогда вторая бригада и теперь». И долго спорят на эту тему Гагарин и Писаренко. По окончании обеда Гагарин заявляет Тарановскому, что ведь это обидно для 1-й бригады: в Иланской действовала 2-я, сегодня тоже караул от 1-й, а расстреливать придется опять 2-й. Тарановский уступает страстному желанию и говорит,

что назначит по 5 человек от полка. «Всего, значит, 25—это с избытком». — «Почему 25? — спрашиваю я, — ведь полков 4». — «Ну и пулеметная рота — пятая». Буланже говорит, что по уставу пулеметная рота по возможности освобождается от всяких нарядов. Конечно, если нужно, то и она исполнит приказание... — «Нет, вполне хватит и 20», — заключает Тарановский. Вопрос покончен. Тарановский отходит в сторону и говорит мне: «Я думал, что и вы добиваетесь этой чести».

— Если это нужно — исполним».

Самый расстрел Евецкий описывает так:

«Между тем делались приготовления к расстрелу. Я вышел побродить около вагонов. 6 человек осужденных стояли у вагонов, окруженные конвоем, и ожидали. Они не чувствовали, что через несколько минут их отведут к Байкалу и объявят волю Меллер-Закомельского. Быть может, и тогда они еще не будут сознавать, что казнь решена бесповоротно и надежды ни для одного из них нет; быть может, каждый из них до последней минуты будет таить мысль «помилюют — как же без суда-то: просто пугают», и ни у одного не мелькнет: «хоть бы без мучений — сразу».

Теперь они топчутся от холода и протестуют, что их вывели из вагона. Конвойные молчат. «Что вам тут делать — пойдемте на телеграф. Ренненкампф хочет разговаривать» — подходит Тарановский. Вернувшись в вагон, оделись потеплее и через 20 минут пошли.

На дороге услышали выстрелы — расстреливают. Выстрелы слышались как-то странно, то один, то несколько. Из нас никто не задумался над их странностью. Выстрелы слышались долго: Марцинкевич, сопровождавший нас, заметил: «Как будто дюжину расстреливают».

Мы вернулись в поезд и здесь узнали подробности расстреливания. Руководил подполковник Заботкин, командовали кн. Гагарин и Писаренко. Приговоренных отвели несколько от станции по направлению к Иркутску (не выходя из района станции). Здесь им объявили, что они приговорены к расстреливанию. Они не просили пощады. Бог знает, сознавали ли они, что просить бесполезно, что судьба их решена бесповоротно, или, может быть, думали, что их только запугивают, хотят заставить сознаться и выдать сообщников и, добившись этого, отпустят. Последнее предположение вряд ли справедливо; по крайней мере, один из них, чиновник Бялый, увидав проходившего невдалеке Марцинкевича, крикнул: «Г. Марцинкевич! повторяю — я невинен; моя кровь падет на голову ваших детей».

Между тем выбрали место, более других освещенное станционным фонарем. Поставили одного, скомандовали; вместо залпа получилось несколько единичных выстрелов... Я не стану описывать всей картины, как мне ее передавали.

Было упущено из виду, что при морозе смазка густеет, и часто происходят осечки; расстрел производился при свете фонаря, и поэтому пули попадали не туда, куда следовало, и вместо казни получилось истязание.

Заботкин волновался, шумел, рассказывал, как ему с казаками пришлось на войне расстреливать, что там порядка и умения было гораздо больше, винил офицеров, винил людей и еще более затягивал эту и без того длинную и тяжелую процедуру.

Казнь продолжалась около $\frac{1}{4}$ часа, при ней присутствовали служащие».¹

На ст. Могзон — снова расстрелы.

«Меллер отдал распоряжение расстрелять 7 человек из арестованных, — записывает Евецкий. — «Только, пожалуйста, не тратьте даром патронов — стреляйте в затылок и больше 3 патронов на человека не тратьте». Перед отъездом пришли доложить, что казнь окончена, рассказали подробности. Там дело шло лучше, — голова после одного выстрела давала трещину, стреляли троих сразу; все казенные падали на месте, перед казнью уверяли, что они ни в чем не виноваты, и умоляли доложить генералу и судить их. Меллер все это слушал с обыкновенной спокойной улыбкой».

На ст. Могзон были расстреляны арестованные на ст. Хилок: кладовщик об-ва потребителей Забайкальской жел. дороги О. М. Цетнерский, машинист И. И. Королев, телеграфисты А. Ф. Цехмистер, И. А. Тимсон, Беловицкий и Леонтьев, слесарь Садовский.²

22 января отряд Меллера был около Читы, на разъезде 58 версты. В 12 ч. дня 22 января ген. Ренненкампф предполагал начать бомбардировку Читы...

***

Ген. Ренненкампф выехал из Харбина на запад 9 января с двумя поездами: в первом была рота пехоты, чины ж.-д. батальона и телеграфа, запасы материалов для быстрого восстановления ж.-д. пути и телеграфа на случай их порчи, во втором — три роты пехоты, два горных орудия и четыре пулемета.

Одновременно по направлению к Чите были двинуты эшелоны 17, 18, 19, и 20 Восточно-сибирских стрелковых полков.

Еще до своего отъезда из Харбина ген. Ренненкампф 7 января издал «приказ № 1», в котором он, сообщая о данном ему «высочайшем повелении» «водворить законный порядок на Забайкальской и Сибирской ж. д.» объявлял «всем эшелонам запасных и бывших военнопленных, что при возникновении массовых беспорядков, угрожающих общественной безопасности или нарушающих долг службы и присяги», он будет «подавлять их во что бы то ни стало, прибегая к действию».

¹ Дневник Евецкого, если его сопоставить с телеграммами и докладом царю ген. Меллер-Закомельского, не оставляет сомнений в том, что именно на ст. Мысовой 18 января расстрелян рабочий И. В. Бабушкин, «крупный партийный работник, гордость партии», как его характеризовал в некрологе, напечатанном в 1910 г., В. И. Ленин. До последнего времени, со слов т. Голикова, местом ареста и расстрела т. Бабушкина считалась ст. Слюдянка. В публикуемых нами документах совершенно отсутствуют указания на расстрелы в Слюдянке. Если предположить, что об этом по каким-либо соображениям умолчал сам ген. Ренненкампф, то поручик Евецкий, подробно записавший в своем дневнике о всех более или менее крупных «подвигах» карательного отряда, вряд ли оставил бы без внимания это событие. Имена расстрелянных на ст. Могзон известны. Все они были арестованы на ст. Хилок. Имена некоторых расстрелянных на ст. Мысовой не установлены до сих пор. Повидимому, в их числе был и т. Бабушкин. В корреспонденции из Иркутска под заглавием «Как действовал ген. Меллер-Закомельский», напечатанной тогда же в газете «Русь», есть указание, что один из шести расстрелянных на ст. Мысовой был «слесарь, привезший ружья в Слюдянку», что несомненно подтверждает правильность нашего утверждения.

² «Революционное движение на Дальнем Востоке», ст. В. Чаплинского, стр. 68. Владивосток, Истпартагдел Дальбюро ЦК ВКП(б).

21 января Ренненкампф опубликовал «приказ №5», которым предлагалось «служашим на железной дороге и рабочим читинских мастерских сдать все оружие к 12 часам дня 22 января караулу у моста через реку Читинку». «Все взятые с оружием в руках или оказавшие какое-либо сопротивление после 12 часов дня 22 января будут беспощадно наказаны», — так заканчивался этот приказ (д. № 120).

В 12 часов дня 22 декабря ген. Меллер-Закомельский, находившийся со своим отрядом на разъезде № 58, телеграфировал ген. Ренненкампфу: «В виду того, что вам до сих пор не сдали оружия и чтобы не терять времени, выдвинусь до Кенонского озера и открою огонь по мастерским из 2 поршневых легких орудий. Прошу вас поддержать, кончим сегодня» (д. № 123). Ген. Ренненкампф ответил: «Все распоряжения отданы на завтра. Сегодня мастерские пусты, оружие сдается» (д. № 124).

В своем дневнике поручик Евецкий излагает события этого дня следующим образом:

«Мы двинулись дальше. Впереди по обыкновению отправлялся паровоз Седлецкого с двумя вагонами, в которых поместились литовцы и кексгольмцы и все саперы под командою капитана Бауэра при князе Гагарине. Этот «авангард» имел поручение остановиться не доезжая 1—1½ верст до «Читы-военной» и рассыпать цепь, под прикрытием которой саперы разобрали бы часть пути впереди поезда, дабы из «Читы-военной» не мог быть пущен встречный паровоз. За авангардом без жезла минуты 3—5 спустя один за другим двинулись три наши поезда, предварительно разобшив читинские провода, т. е. прекратив сообщение Читы с остальной Россией.

Во время пути, по указаниям сопровождавшего нас начальника участка (начальники участка, тяги и ревизоры движения сопровождали поезд все время), составили план местности между местом нашей предполагаемой остановки и ж.-д. поселком, а также и вокруг депо, и по этому плану приблизительно набросали схему наступления. Когда мы подошли к паровозу Седлецкого, путь уже был разобран, и на левый фланг прикрыт цепью литовцев; кексгольмцы стояли резервом у паровоза. Началась разгрузка артиллерии.

День был чудный, солнечный, на небе ни облачка, слегка морозило. Чита была закрыта от нас возвышенностью. Заботкин отправился на эту возвышенность и пригласил идти меня. Пройдя шагов 50, встретили какие-то мирные сани; остановили, повернули и приказали везти себя к Чите.

Вот мы выбрались на возвышенность и увидели в долине Читы Заботкин стал рассказывать: «Вон вправо вдали город, это ближе всего ж.-д. поселок, вот депо, вот влево Чита-военная».

Мысли в голове спутаны. Стоишь как перед завесой: сдастся или придется атаковать? Как велика у них решимость сопротивляться? И тревожно и любопытно.

Так вот она, Чита — голова сибирской революции! Что-то в ней теперь происходит? Но наружный вид не давал ответа; издали город был совершенно спокоен, даже маневренные паровозы на «Чите-военной» и у депо шмыгали взад и вперед, занимаясь, повидимому, обыкновенным делом.

Вот на околице поселка, шагах в 500, показался неприятель и остановился, спокойно разглядывая нас; это женщины и дети. Из-за ограды кладбища вправо от нас вышли гробокопатели и сторожа и в недоумении поглядывали то на нас, то на поезда, из которых происходила высадка. Ничего не выяснив, мы вернулись назад, и Заботкин пошел докладывать Меллеру. В это время подскочил казак с донесением от Ренненкампфа, что рабочие сдают оружие в месте, указанном Ренненкампфом. Затем приехал комендант «Читы-военной» и его помощник и подтвердил это известие...

Взятие Читы не удалось, но генерал все же решил произвести демонстрацию. Вышел барон, поздоровался, и высадившиеся войска, предшествуемые самим Меллером со штабом, с мерами охранения двинулись к Чите. Полонский с 5 ординарцами был отправлен в город на разведку. Поднялись на возвышенность, с которой мы с Заботкиным рассмотрели на Читу; она же оказалась и позицией. Послышались команды, артиллерия снялась с передков. «Заряжай!» Вложили снаряды; поставили пулеметы; петербуржцы заняли фланги позиции; отряд Алексева был направлен на поселок. Лихо и быстро рассыпались томцы и омцы и беглым шагом скрылись в поселке. Казаки шли сзади сомкнутою частью. Кексгольмцев отозвали с самого левого фланга и отправили на правый в поселок. Волынцы были в дежурной части. Верхнеудинцы оставались в поезде. Вернулся Полонский и доложил, что в поселке спокойно. Его снова послали в депо. Скоро пришло известие и из передовых частей. Прибежал томец: «Был бой, — доложил он, — в нас выстрелили и промахнулись, мы тоже выстрелили и убили одного, двоих арестовали». Опять все тихо». (док. № 96).

***

За три дня до назначенного ген. Ренненкампфом срока сдачи оружия в Читу прибыл новый временный губернатор Забайкальской области ген. Сычевский.

20 января ген. Сычевский явился в ж.-д. мастерские с целью, как он сам доносит об этом, «путем убеждения и требований, выраженных в форме самой категорической, посеять раскол среди мятежников...» Из беседы в мастерских Сычевский вынес убеждение, что «соглашение с социал-революционерами невозможно, так как они стремятся к Учредительному собранию».¹

По словам того же ген. Сычевского, 21 января к нему будто бы явились депутаты рабочих и заявили, что «среди них появился раскол, и громадное большинство рабочих решило, не оказывая сопротивления, выдать оружие». ² «В ночь с 21 на 22-е, — пишет ген. Сычевский, —

¹ Ген. Сычевский, как видно из его донесений, был совершенно политически безграмотным человеком, как и подобало генералу, посланному с карательными целями; различия между социал-демократами и социал-революционерами для него не существовало. Найти в читинских мастерских группу социал-революционеров в то время было весьма мудрено.

² Доклад ген. Сычевского ген. Гродекову, из которого взяты эти цитаты, был написан много времени спустя после событий. В докладе ряд фактов изложен иначе, чем они были изложены в донесениях, сделанных в самый момент событий. Так, о решении рабочих выдать оружие, будто бы состоявшемся после посещения Сычевским мастерских, сам же Сычевский 22 января телеграфировал министру

гудок мастерих создал рабочих. Впоследствии выяснилось, что главаря желали досчитать свои ряды и, убедившись, что явилось всего около 200 вооруженных людей, видя бесполезность сопротивления, разбежались»

Ген. Сычевский представляет себе ход событий в Чите весьма упрощенно. На самом деле положение было гораздо сложнее.

О движении гряды Ренненкампа в Чите было известно в первых числах января:

Читинские боицы спешно вооружались. Необходимость отпора надвигающейся контрреволюции не вызвала никаких сомнений. В ответ на приказ ген. Ренненкампа от 12 января общее собрание рабочих и служащих ст. Чита-вокзал приняло резолюцию, предложенную Читинским комитетом РСДРП и другими революционными организациями, в которой заявлялось о решимости «бороться всеми силами, не стесаясь выбором средств» «против репрессивных мер, которые вздумают принять генерал волчьей сотни...»

Вопрос о формах сопротивления карательным отрядам в это время тщательно обсуждался Читинским комитетом РСДРП. В нашем распоряжении нет документов, позволяющих установить окончательное решение, принятое на происходивших по этому вопросу совещаниях. По данным, исходящим из правительственных источников, «11 или 12 января представители разных революционных организаций собрались для окончательно разрешения вопроса о возможности вооруженного сопротивления. В начале было решено вызвать солдат из Нерчинска и Сретенска, сражаясь с отрядом ген. Ренненкампа около дальнего Читинского вокзала, причем рабочие намерены были укрепиться в ж.-д. мастерск. Затем однако на заседании ж.-д. комитета, в который входили и права членов и представители от революционных артий, мысль о вооруженном восстании была оставлена...»¹ Совершенно ясно, что здесь обсуждение вопроса о вооруженном сопротивлении, происходящее в момент получения первых известий о движении карательных отрядов, связано с обсуждением этого же вопроса ж.-д. мастерск в ночь на 22 января, когда на призыв к борьбе откликнулось лишь незначительное число рабочих и когда было совершенно естественно оставить «мысль о вооруженном сопротивлении». Что касается сведений о намерении вызвать солдат из Нерчинска и Сретенска, то здесь правительственный источник, по видимому, близок к истине. публикуемой нами записи переговоров по ж.-д. телеграфу имеются такие фразы: «Уже была тревога в мастерских в подготовке. И, вот, собралось около трех тысяч граждан, мастеровых и нас, и весь читинский гарнизон и казаки. Мы там были всю ночь, а сегодня идем на ночь; завтра утром Ренненкампа приедет нас осаждать к нему тут зададим перцу... Можете себе представить, все казаки сплещ — их в окрестностях Читы около ста — так что завтра казаки тут к нам. Ренненкампа будет осаждать, а казаки

в этих делах Дурин так: «Сегодня получил ответ, что согласны выдать оружие на условии освобождения всех арестованных Ренненкампом и свободы совести и собраний». Ни в каком расколе Сычевский в этой телеграмме не упоминает...» Р. и В. П., ф. Д. 1., д. № 2555, т. 9, л. 621.)

«Обзор революц. движения в округе Иркутской судебной палаты», стр. 129.

читинские его сзади!..» (д. № 125). В этой записи имеется очень интересное указание на привлечение к отпору ген. Ренненкампа сил извне, казаков. По видимому, телеграфист, передавший эти сведения, слышал о привлечении сил со стороны. Он говорит только о казаках ближайших станиц, но вряд ли военные люди, руководившие обороной Читы (Костюшко-Валюжанич, Дмитревский и др.), могли забыть о революционно настроенных гарнизонах Нерчинска и Сретенска. Указание на намерения читинцев использовать Нерчинск имеется в воспоминаниях эсерствующего участника читинских событий, напечатанных в 1907 г. в газете «Воля». Он говорит, что по одному из планов вооруженного восстания «предполагалось взорвать Хинганский железнодорожный мост, для чего имелись в распоряжении революционеров три захваченных вагона с пироксилином, сосредоточить расположенных в разных городах солдат, сочувствующих революционерам, и, захватив артиллерийский склад и казначейство, учредить временное революционное правительство, которое должно было воспрепятствовать наступлению войск с запада, употребляя для этого артиллерийские орудия, находившиеся в читинском складе и в городе Нерчинске». Есть указания на это в цитируемых обвинительным актом по делу о мятежных организациях Забайкальской жел. дороги документах, исходящих от революционных организаций Читы.

По словам В. Чаплинского, активного участника читинских событий и автора интересной статьи на эту тему, «твердого плана борьбы, который был бы принят всеми фракциями и всеми революционными органами, не было выработано». Однако тот же т. Чаплинский говорит, что Читинским комитетом РСДРП после дискуссии внутри комитета между меньшевиками и большевиками был принят следующий план обороны: 1) сконцентрировать в Чите и других мастерских Забайкалья революционных солдат и казаков, 2) разоружить войсковые части, стоявшие за поддержку царского самодержавия, 3) вооружить читинские мастерские, превратить их в крепость, а окрестности минировать, 4) взорвать Хинганский мост, 5) взорвать поезда Меллер-Закомельского и Ренненкампа и 6) вести партизанскую войну. В. Чаплинский, к сожалению, не указывает источника сообщаемых им сведений о дискуссии в Читинском комитете по вопросу о вооруженном сопротивлении и принятом комитетом решении. В общем эти сведения находят некоторое подтверждение и в документах, исходящих от агентов правительства, и в мемуарах участников событий. План этот приводился в исполнение. Но осуществить его в полной мере не удалось.

К этому времени Чита постепенно зажималась в тиски. С пути следования ген. Ренненкампа шли вести о поголовных арестах и расстрелах; еще более жуткие слухи ползли с запада о действиях ген. Меллер-Закомельского; связь с Иркутском в первых числах января была прервана; были получены известия о разгроме красноярских мастерских и подавлении восстания в Москве.

Чита оказалась маленьким революционным островком на далекой окраине. Надежды на помощь извне в это время уже не могло

¹ «Обзор революц. движения в округе Иркутской судебной палаты», стр. 128.

быть. Небольшому отряду рабочих в 2-3 тыс. человек, если считать почти всю массу рабочих Читинских ж.-д. мастерских и депо, не имевшему опыта в вооруженной борьбе, плохо обученному военному делу, не имевшему надлежащего военного руководства, предстояло бороться с вооруженным железной дисциплиной, получившим опыт в борьбе с революционным народом врагом, имеющим полную возможность почитать в любой момент необходимые подкрепления извне.

△ Еще в декабре из Читы, как мы говорили выше, ушли революционно-настроенные части гарнизона, распущенные по домам. Той тесной связи, которая существовала в ноябре — декабре между солдатами и рабочими, уже не было. Читинские рабочие вынуждены были действовать самостоятельно.

21 января группы рабочих, посланные для взрыва поездов Ренненкампа и Меллер-Закомельского, возвратились в Читу, не выполнив задачи.¹

В это же время была арестована «политически неблагонадежная» 3-я рота 3-го резервного ж.-д. батальона.

Контрреволюция была революционные отряды Читы по частям. 22 января к 12 часам дня по приказу Ренненкампа должно было сдано оружие.

В ночь на 22 января Читинский с.-д. комитет призвал к борьбе. По гудку, данному в 12 часов ночи, в ж.-д. мастерские собралось только 150 — 200 дружинников. Не было и солдат читинского гарнизона, среди которых в это время производились аресты. Председатель Читинского с.-д. комитета объявил решение комитета: «вооруженного сопротивления не оказывать, революционную борьбу вести в подпольи и готовиться к грядущим боям».²

Читинские рабочие от боя уклонились. Начались обыски, аресты, поиски оружия. Ген. Линевиц телеграфировал Николаю: «Мерами, принятыми в Чите..., успокоение в Забайкальском крае наступит очень скоро» (д. № 133). Меллер-Закомельский телеграфировал о своем сожалении, что Ренненкампф и Сычевский вели в Чите в продолжительные переговоры с революционерами... «Читинцам надо было разгромить, и если бы мастерские и взлетели на воздух, был бы от того убыток казне, ничтожный сравнительно с громадными убытками, причиненными ранее революционерами, зато впечатление было бы огромное, и революция надолго бы стихла» (д. № 84, тел. № 14).

¹ О попытках покушения на поезд ген. Ренненкампа мы имели до сих пор очень мало документальных сведений. В донесении ген. Ренненкампа имеются лишь косвенные указания на это. Так в телеграмме главному начальнику тыла ген. Ренненкампа сообщает: «Начальник 5-го эшелона 17 полка подполковник Савицкий доносит, что в ночь на 12-е был пущен навстречу паровоз, но по недостатку паров остановился, и столкновения не произошло... Это второй случай злоумышления...» (д. № 103). Есть указания на попытки покушений на карательные поезда в телеграммах ген. Меллер-Закомельского. Но, к сожалению, сведения эти дают возможности установить точную картину действий посланных из Читы дружинников. В Чаплинском, бывший участником одной из этих дружин, в своей статье только список дружинников, выезжавших навстречу ген. Меллер-Закомельскому («Революционное движение на Дальнем Востоке», Меллер-Закомельского, стр. 67—69).

² «Революц. движение на Дальнем Востоке», ст. В. Чаплинского, стр.

Чем, действительно, объяснить некоторую медлительность, нерешительность в действиях ген. Ренненкампа при наступлении на Читу? Сам ген. Ренненкампа объясняет это тем, что «если мы разгоним нужды рабочих, Забайкальская дорога, работающая и без того очень плохо, лишившись главного депо, может стать окончательно парализованной. Настоящую минуту это будет большим несчастьем для края и армии. Подвоз совсем остановится. Я сам поэтому действую очень осмотрительно...» (д. № 124).

В другом месте ген. Ренненкампа еще более определенно говорит о причинах своей «осторожности»: «На первых шагах нужно быть очень осторожным. Сегодня я убедился лично, что благодаря бескровной победе правительства мы избежали здесь огромного несчастья. В мастерских была заготовлена масса взрывчатых веществ, взрыв коих был бы неминуем, как только мы открыли бы артиллерийский огонь. Мастерские оказались бы разрушенными, и дорога стала бы на целые месяцы...»¹

В данном случае приходится согласиться с объяснениями Ренненкампа: ж.-д. мастерские в Чите не «взлетели на воздух» главным образом потому, что к этому времени армия, находившаяся в состоянии революционного брожения, еще не была эвакуирована. Перерыв железнодорожного движения в условиях необходимости спешной эвакуации запасных и подвоза продовольствия на восток означал действительно «несчастье»... только не «для края и армии», как об этом писал ген. Ренненкампа, а для самодержавия. Это был бы вернейший способ действительного революционирования солдатских масс и объединения их с ж.-д. пролетариатом Сибири для нового, более решительного и успешного наступления на самодержавие.

Действительное настроение армии было ясно задолго до военных восстаний в Сибири. Еще в конце сентября 1905 г. В. И. Ленин писал: «Манчжурская армия, судя по всем сведениям, настроена крайне революционно, и правительство боится вернуть ее, — а не вернуть этой армии нельзя, под угрозой новых и еще более серьезных восстаний».²

Именно боязнь манчжурской армии, возможности объединения ее с революционным пролетариатом Забайкалья и Сибири на почве общего недовольства, подкрепляемого естественным стремлением скорее очутиться на родине, диктовала военным властям Дальнего Востока тактику, вызвавшую возмущение ген. Меллер-Закомельского и Николая II. Если ген. Меллер-Закомельский по пути в Сибирь, особенно до Челябинска и Иркутска, не стесняясь, расправлялся с «бастовавшими запасными», то ген. Ренненкампа, а в особенности, высшие военные власти на Дальнем Востоке, зная об истинном настроении армии, больше всего заботились об ускорении перевозки запасных в Европейскую Россию. Отсюда происходило также «мягкое» отношение высших военных властей к солдатам и офицерам — участникам революционного движения, как это мы увидим дальше на примере суда над фельдфебелем Шемякиным, революционными солдатами 3-го резервного железнодорожного батальона и союза военно-

¹ Арх. Р. и В. П., ф. Д. П., д. № 2555, т. 10, 1905 г., л. 33. Телеграмма ген. Ренненкампа министру внутренних дел от 24 января 1906 г.

² Ленин. Сочинения, т. VIII, стр. 281.

служащих в Чите. Пока армия еще находилась на Дальнем Востоке, пока революционное брожение в ней было сильно, военным властям было невыгодно усиливать это брожение мерами суровых репрессий.

В конце 1905 г. и начале 1906 г. в Сибири и Забайкалье шла «борьба» реакции и революции за войско». То, что происходило в Москве, чем писал Ленин, предлагая использовать опыт московского вооруженного восстания, то же было и в Сибири. Войска «убеждали», льстили, их спаивали водкой, их обманывали, их запугивали, их пинали в казармы, их обезоруживали, от них выхватывали предателем и насилием солдат, предполагаемых наиболее ненадежными. В Сибири их, кроме того, натравливали на железнодорожников, главное — спешили скорее вывезти на родину.

Ген. Линевиц в одном из писем ген. Куропаткину писал: «Мы в месте [т. е. на Дальнем Востоке и в Сибири. — В. М.] имели два течения, с которыми было необходимо одновременно и упорно бороться. Одно — это стачечный комитет, забастовщики и разного рода союзы. Другое же течение — это наши запасные, которые, будучи подстрекаемы агитаторами и революционерами, настойчиво требовали исполнения их справедливого и законного желания быть отправленными по окончании войны на родину. Это последнее было не только тревожно, но даже опасно — могло перейти даже в военный бунт... Вот причина, почему я вынужден был оставить стачечников в покое временно и воспользоваться их спокойствием, чтобы вывезти запасных из тыла. В наших армиях запасные... тоже сильно бродили и волновались. Немного требовалось, чтобы и между ними вспыхнул мятеж... «Зараза проникла глубоко в войсковые части, расползшиеся в области», — телеграфировало состояннии армии Николаю II ген. Ренненкампф (д. № 132).

«Революционное движение в Забайкалье было сильнее, чем можно было думать, — телеграфировал военному министру ген. Гродеков. К сожалению, сильно замешаны в войска, арестованы офицеры всех родов оружия...» (Подчеркнуто нами. — В. М., д. № 154). По официальным сведениям, с 4 октября 1905 г. до 13 июня 1906 г. из пределов Манчжурии в Приамурский округ, Забайкалье, Сибирь и Европейскую Россию вывезено 19 793 офицера и 1 126 876 солдат. Это была действительно грозная сила, за которую нужно было бороться. В «борьбе реакции и революции за армию» реакция в сибирских условиях — нужно отдать руководителям реакции должное — действовала довольно искусно. Ей удалось рядом маневров постепенно изолировать революционную армию от революционного пролетариата и по частям бить союзников в революционной борьбе.

* * *

На другой день после занятия Читы ген. Меллер-Закомельский своим отрядом отправился обратно, на запад, производя на станциях

¹ Ленин. Сочинения, т. X, стр. 50.

² Особ. отд. Ц. И. А., ф. А. Н. Куропаткина. См. «Красный архив» т. XI—XII, стр. 327.

³ Особ. отд. Ц. И. А. Телеграммы на имя Николая II из действующей армии. Телеграмма ген. Гродекова от 14 июня.

обыски, аресты, порку железнодорожных служащих и рабочих. Публикуемый нами дневник поручика Евецкого обстоятельно рисует «быт и нравы» карателей, как самого Меллер-Закомельского, так и его приближенных: Заботкина, Марцинкевича и др. 8 февраля офицеры карательной экспедиции были приглашены на обед к царю в Царское село. Царь за обедом «много спрашивал о подробностях поездки, будучи видимо вполне в курсе дела и хорошо ознакомлен с телеграммами-донесениями барона, соглашался с его мнением, что подавить революцию надо было гораздо строже — раз навсегда», — записал в своем дневнике Евецкий.

Ген. Ренненкампф, дав телеграмму от Читы до Челябинска об аресте всех виновных «в политических преступлениях», выехал из Читы по направлению к Иркутску вслед за Меллер-Закомельским. Начались действия «временного военного суда» при отряде ген. Ренненкампфа. В срочном порядке жандармы производили «дознания» о всех захваченных карательными отрядами рабочих и служащих, представляя эти «дознания» ген. Ренненкампфу, который отдавал «приказы» о предании революционных рабочих временному военному суду.

27 января состоялся суд над арестованными на ст. Борзя: десятником Зезюкевичем, столяром Королевым, машинистами Ясинским и Эрдманом, конторщиком Падалкой, мастером Шилко, дворянином Окинчесом. Все обвиняемые, за исключением оправданного Окинчеса, были осуждены на разные сроки тюремного заключения. Зезюкевич был приговорен к каторжным работам на 8 лет.

10 февраля в Верхнеудинске состоялся суд над заведующим складом топлива Гольдсobelем, начальником станции Пашинским, слесарем Шульцем, запасным агентом Микешиним, главным кондуктором Ингилевичем, инж. Медведниковым, пом. машиниста Ефимовым, слесарями Лиморенко и Гордеевым, токарем Седлецким, машинистами Дмитриевым, Милютинским и Носовым. Суд приговорил Гольдсobelя, Шульца, Медведникова, Гордеева, Милютинского, Микешина, Носова, Пашинского и Лиморенко к смертной казни, остальных к каторжным работам. Ген. Ренненкампф заменил Микешину, Носову, Пашинскому и Лиморенко смертную казнь каторжными работами. Все приговоренные были членами местной с.-д. организации. Гордеев, Шульц и Гольдсobelь были виднейшими руководителями движения в Верхнеудинске.

12 февраля в 3 часа дня была произведена публичная казнь над осужденными.

«При приведении в исполнение смертного приговора к концу казни толпа хлынула, пытаясь проникнуть через оцепление, но выстрелами последнего была остановлена», — доносит ген. Гродеков Николаю II. Даже семей казненных не пощадил ген. Ренненкампф. В тот же день он приказал «выселить за пределы Забайкалья семьи казненных политических преступников».

16 февраля ген. Ренненкампф утвердил приговор военного суда по делу рабочих ст. Хилок Башенина, Кузнецова, Рыбникова, Бондарева. Они обвинялись в покушении на убийство провокатора Лонцкого. Обвиняемые, за исключением Бондарева, были приговорены к смертной казни. Даже Ренненкампф не решился утвердить смертный

приговор за изонение провокатора, — смертная казнь на этот раз была заменена каторжными работами от 8 до 10 лет.

Одновременно ген. Ренненкампом был издан приказ о предании военному суду рабочих и служащих ст. Хилок: Галова, Бобылева, Боровицкого, Винокурова, Розенберга, Губанова, Турунтаева, Дылло, Шадзиевского, Коневцева, Тер-Микертычана, Распутина, Иванова, Змиева, Марчинского и Розенфельда. Все они обвинялись в стремлении «постепенно захватить в свои руки правительственное сообщение — телеграф и железную дорогу — и ниспровергнуть существующий в России государственный строй». Почти все обвиняемые были членами хилокской группы РСДРП, развернувшей в конце 1905 г. под руководством Читинского комитета большую деятельность. В лице Розенфельда хилокская с.-д. группа имела всеми признанного молодого, талантливую, самоотверженного руководителя. Обвинительный акт и приговор довольно правильно рисуют деятельность Розенфельда, говоря, что он «был председателем всех митингов, где произносил революционные речи о ниспровержении государственного строя, распорядился прекращением движения поездов и приведением в негодность паровозов; был председателем революционного суда, приговаривал к смертной казни тех, кто противодействовал их революционной деятельности . . . во главе боевой дружины, насильем занял контрольный правительственный телеграф, способствовал подготовке вооруженного восстания с целью ниспровержения существующего государственного строя и лишения царствующего императора его власти верховной». Если к этому добавить, что Розенфельд по собственной инициативе лично выезжал на паровозе с бомбами навстречу карательному отряду ген. Меллера, чтобы взорвать его поезд — факт, оставшийся неизвестным военному суду, — станет ясным облик этого рабочего революционера-большевика, попавшего в руки карательной экспедиции. Крупными партийными работниками были Тер-Микертычан, Марчинский и Шадзиевский.

Расправа на ст. Хилок была также жестокой. 16 февраля суд приговорил к смертной казни всех обвиняемых, за исключением Бобылева, Розенберга, Губанова, Дылло, Коневцева, приговоренных к тюремному заключению и каторжным работам на разные сроки. Ген. Ренненкампом 17 февраля утвердил смертный приговор в отношении Галова, Боровицкого, Марчинского, Розенфельда, Иванова, Тер-Микертычана, Шадзиевского. 18 февраля полковник Комаров донес: «В 7 часов 30 мин. приговор суда приведен мною в исполнение благополучно». 20 февраля об этом по телеграфу был извещен и Николай II, причем в телеграмме было подчеркнуто, что «все осужденные — из числа рабочих и служащих Забайкальской жел. дороги» (д. № 210). Одновременно в Хилке был казнен телеграфист ст. Петровский завод Павел Беляев.

Со ст. Хилок ген. Ренненкампом выехал обратно в Читу.

Здесь 22 февраля состоялся суд над фельдфебелем команды писарей штаба войск Забайкальской области Никитой Шемякиным, обвинявшимся в агитации среди солдат 17-го Восточного-сибирского стрелкового полка. Характерно, что «преступление» Шемякиным было совершено 27 января, т. е. уже после занятия Читы, в самый разгар

свирепых репрессий Ренненкампа, Сычевского, Полковникова и др. Шемякин был приговорен к смертной казни, но военный суд, жестоко расправлявшийся с рабочими и служащими, не рискнул привести в исполнение приговор над солдатом. Воспользовавшись формальным предлогом, что Шемякин обвинялся также в другом преступлении, суд постановил исполнение приговора приостановить.¹

23 февраля ген. Ренненкампом был издан приказ о предании суду инспектора народных училищ Окунцева, врача Шинкмана и Л. Ф. Мирского. Вина этих лиц заключалась в редактировании и сотрудничестве в газете «Верхнеудинский листок», выступлениях и председательствовании (Окунцева) на митингах в Верхнеудинске. Жандармские власти из Шинкмана и Окунцева, этих либерально-настроенных буржуазных интеллигентов, пытались всячески сделать крупных революционеров, чуть ли не руководителей всего движения в Верхнеудинске. На самом деле, в Верхнеудинске руководство революционным движением безраздельно находилось в руках верхнеудинской с.-д. группы. Ни показания этих «революционеров» на предварительном следствии, ни прошлое Л. Мирского (предавшего С. Нецаева в Петропавловской крепости), ни жандармские характеристики его в настоящем («по сравнению с Шинкманом и Окунцовым — ноль, если не меньше»), ни покаянные слезницы Окунцева на имя «государева посла» — Ренненкампа² — не давали основания для сурового приговора в данном случае. Однако состоявшийся 26 февраля суд вынес смертный приговор всем трем подсудимым. Ген. Ренненкампом усиленно настаивал перед ген. Гродековым об утверждении приговора, высказываясь за смягчение лишь в отношении Л. Мирского. 11 марта по высочайшему повелению смертная казнь была заменена бессрочной каторгой. На этот раз речь шла не о «рабочих и служащих Забайкальской жел. дороги», как это было на ст. Хилок, и потому Николай II не оставил без ответа представление ген. Гродекова о замене Окунцову, Мирскому и Шинкману казни каторжными работами.

В ночь на 22 января, когда по предложению Читинского комитета партии рабочие, собравшиеся было по гудку в мастерских, стали расхаживать по домам, группа рабочих во главе с виднейшим членом Читинского с.-д. комитета Костюшко-Валюжаничем, бывшим «романовцем», жившим в Чите под фамилией Григоровича, направилась к дому Кривоносенко. По утверждению некоторых участников читинских событий, на квартире Кривоносенко было приготовлено все для отъезда Костюшко-Валюжанича и других партийных работников на время из Читы. Однако здесь они были настигнуты отрядом солдат и арестованы.³

¹ Под угрозой казни Шемякин находился в тюрьме до 2 апреля, когда пришло «высочайшее повеление» заменить ему смертную казнь каторжными работами без срока.

² В. И. А. В. У. С., д. № 1140, л. 42 — 43.

³ Об этом говорит бывший в то время членом Читинского комитета РСДРП т. Парамонов в своих воспоминаниях, хранящихся в секции 1905 г. О-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев.

По утверждению жандармских властей, арест Костюшко-Валюжанича помешал партизанской борьбе рабочих: «В ночь приезда Ренненкампа рабочие частью побросали оружие и разбежались, частью же разошлись по городу группами,

³ Карательные экспедиции в Сибирь.

Одновременно были произведены сотни обысков и арестов в Чите. Жандармам не удалось захватить всего Читинского комитета РСДРП. Но в их руках оказались такие партийные работники, как Костюшко-Валюжанич, Столяров, Цупсман. Костюшко-Валюжанич был известен в Чите как начальник вооруженных боевых рабочих дружин. Этого было более чем достаточно для предания его военному суду.

27 февраля ген. Ренненкампф отдал приказ о предании суду Григоровича (Костюшко-Валюжанича), Цупсмана, Качаева, Кривоносенко, Вайнштейна, Столярова, П. Кларка, Б. Кларка и Кузнецова. По обвинительному акту Костюшко-Валюжанич «был организатором и главным деятелем в боевой дружине, формируемой с явно революционной целью, был видным деятелем во всех ж.-д. забастовках и во всем революционном движении, ораторствовал на митингах о передаче почты и телеграфа в ведение не группы людей, а всего народа, пропагандировал о ниспровержении существующего государственного строя, убеждал всех вооружаться для достижения этого». Цупсман обвинялся в передаче рабочим 19 вагонов с казенными винтовками и боевыми огнестрельными припасами. Столяров — в организации сходок и хранении оружия и взрывчатых снарядов. Остальные подсудимые — в хранении и раздаче оружия и в агитации среди рабочих.

28 февраля суд приговорил всех подсудимых, за исключением Б. Кларка и Качаева, к смертной казни. Б. П. Кларк был приговорен к каторжным работам без срока, а Качаев оправдан. Ген. Ренненкампф наложил резолюцию: «Относительно Григоровича, Цупсмана, Вайнштейна и Столярова смертную казнь через повешение заменить казнью через расстреляние, Павла Кларка и Кривоносенко сослать на каторгу на 15 лет, Бориса Кларка и Кузнецова сослать на каторгу на 10 лет»...

Смертный приговор вызвал большое возбуждение среди населения. Цинично отвечал ген. Ренненкампф на просьбы об отмене смертного приговора. Академия наук ходатайствовала об отмене смертного приговора «над выдающимся ученым, заслуженным научным деятелем А. К. Кузнецовым». С юмором висельника Ренненкампф отвечает: «Кузнецов занимал выдающееся положение в революционном движении, почему заслужил приговор смертной казни, каковой мною заменен десятилетней каторгой». Любопытен также обмен письмами между забайкальским епископом Мефодием и Ренненкампфом. Мефодий, сообщая об обращенных к нему просьбах граждан Читы ходатайствовать о замене смертной казни, смиренно запрашивает Ренненкампфа: «Прежде чем решиться исполнить эту просьбу, покорнейше прошу ваше высокопревосходительство сообщить мне, не станет ли таковое действие в противоречие в каком-либо отношении с вашими взглядами на положение вещей?». Ренненкампф отвечает: «Ходатайство ваше, если вы возбудите, нисколько не будет противоречить моим взглядам, тем более, что и история русская дает много примеров, когда высшие духовные лица выступали ходатаями за самых страш-

намереваясь оказать партизанское сопротивление, но в ту же ночь мною был арестован Григорович (Костюшко-Валюжанич), и сопротивление отдельными группами не было приведено в исполнение», — доносил в деп. пол. пом. нач. Иркутск. жанд. управления ротмистр Балабанов.

ых государственных преступников, видя в них лишь заблудшихся сынов церкви. Ходатайствуя за осужденных, вы исполните только свой долг и выкажете вашей пастве свои о ней заботы. Я лично нисколько не сомневаюсь, что все, за кого вы будете просить, люди, откашавшиеся от веры и церкви. Почти все казенные до сих пор, не только приготавливаясь к смерти, но и перед самой казнью отказывались от исповеди и принятия св. тайн». Архиерей и генерал понимали друга друга хорошо: они делали одно и то же дело.

2 марта в 4 часа дня приговоренные к смерти были публично казнены. 9 марта ген. Ренненкампф отдал приказ о предании суду 34 военных писарей и солдат, б. «романовца», крупного партийного работника В. К. Курнатовского, начальника Акатуевской тюрьмы Фищева и его помощника Островского по обвинению в освобождении из Акатуевской тюрьмы бывших матросов транспорта «Прут».

20 декабря из Читы в Акатуевскую тюрьму явилась избранная на митинге 15 декабря делегация читинских рабочих и солдат во главе с В. К. Курнатовским с мандатом Читинского комитета РСДРП и добилась освобождения находившихся там бывших матросов транспорта «Прут». 10 марта суд приговорил всех подсудимых, за исключением Фищева, Островского и писарей Волкова, Каргина и Гантимурова, к смертной казни. И на этот раз правительство не рискнуло казнить солдат. По высочайшему повелению всем осужденным смертная казнь была заменена каторжными работами без срока. И это было сделано несмотря на донесение Ренненкампфа, что «осужденные держали себя на суде вызывающе». Так была сильна боязнь манчжурской армии.

В связи с этим делом ген. Гродеков запросил, «куда девались освобожденные из Акатуевской тюрьмы арестанты?» На это ген. Сычевский мог ответить только, что «матросы не разысканы».

28 февраля ген. Ренненкампф приказал жандармскому ротмистру Балабанову расследовать дело о задержании царской телеграммы почтово-телеграфными служащими. 11 марта дело о почтово-телеграфной забастовке на ст. Чита было передано на рассмотрение военного суда. 14 марта суд приговорил тринадцать почтово-телеграфных чиновников: Хмелева, Замошникова, Костырева, Андриевского, Рыбица, Бергмана, Розова, И. Дмитриева, Афанасьева, Мейлуп, Грекова, Сосновского, Боговлянского к смертной казни. Лишь один подсудимый В. В. Дмитриев был оправдан. Ренненкампф заменил всем приговоренным смертную казнь каторжными работами и тюремным заключением.

16 марта военному суду были преданы 46 солдат 3-го резервного ж.-д. батальона по обвинению в участии в беспорядках в конце 1905 г. в Чите (расхищение оружия с целью снабжения им рабочих, участие и выступление на митингах, оскорбление действием командира роты, выборы депутатов в совет солдатских и казачьих депутатов, участие в вооруженной демонстрации, предъявление требований командиру батальона, распространение воззваний, агитация среди товарищей и т. д.). Суд приговорил 18 подсудимых к каторжным работам и тюремному заключению на разные сроки. 28 человек судом были оправданы.

Приговор вызвал решительные протесты со стороны ген. Ренненкампфа: «Столь мягкий приговор по сравнению с преступлениями, значащимися в обвинительном акте, особенно, если принять во внима-

ние, что преступление совершено военными в местности, объявленной на военном положении, не может служить к водворению порядка, восстановлению дисциплины, сильно пошатнувшейся в здешних войсках, и является крайне несправедливым по отношению гражданских лиц, приговоры о которых были вынесены значительно строже. По долгу службы откровенно докладываю вашему высокопревосходительству, что подобный суд с подобными приговорами, по моему глубокому убеждению, сослужит только отрицательную службу престолу и России. Это последнее совершенно несовместимо с моим отношением к службе и обязанностям, а потому вынужден просить или о немедленном отозвании председателя суда, или же об изъятии суда из моего ведения» (д. № 271).

16 марта ген. Ренненкампф отдал распоряжение о немедленном аресте всех офицеров и чиновников военного ведомства, принимавших участие в союзе военнослужащих, организовавшемся в Чите в ноябре месяце. Обвинительный акт по делу союза военнослужащих, опубликованный нами, дает много фактического материала, позволяющего судить о характере союза, его связи с советом солдатских и казачьих депутатов, влиянии на читинский гарнизон, отношении к вооруженному восстанию и т. д.

Несмотря на пестрый партийный состав руководителей союза, попытки некоторых из них превратить союз в единственный центр, руководящий всем движением в гарнизоне, и тем самым подчинить своему влиянию совет солдатских и казачьих депутатов, организованый Читинским с.-д. комитетом, последнему удалось направить работу союза в необходимое русло содействия общей революционной борьбе. Фактически союз военнослужащих подчинился директивам Читинского с.-д. комитета. Комитет союза был тесно связан с руководителями совета солдатских и рабочих депутатов.

Дело о беспорядках в 3-м резервном ж.-д. батальоне и дело союзных военнослужащих по существу было попыткой создать дело о совете солдатских и казачьих депутатов. Властям не удалось только обнаружить действительных руководителей ненавистного им совета. Этим руководителем был Читинский с.-д. большевистский комитет, который за исключением нескольких человек избежал в этот момент ареста и суда Ренненкампфа.

Ген. Ренненкампф, возмущенный «мягким приговором» по делу о беспорядках в 3-м резервном ж.-д. батальоне и опасаясь такого приговора по делу о союзе военнослужащих, обратился к командующему войсками ген. Гродекову с просьбой временно отложить рассмотрение этого дела. «Судебное следствие после бывших мягких приговоров не может дать настоящей картины и правильно ориентировать председателя и членов», писал он ген. Гродекову. Ген. Гродеков, учитывая общую политическую обстановку и состояние армии, пробыл ген. Ренненкампфа отклонил. Суд состоялся и 21 мая приговор нескольких подсудимых к аресту на гауптвахте на 1—3 месяца, остальных оправдал. Новый «мягкий» приговор вызвал новый протест со стороны ген. Ренненкампфа, обратившегося к ген. Гродекову с настоятельной просьбой о пересмотре дела. После длительной переписки по этому вопросу и указаний ген. Гродекова и ген. Чури-

«в настоящее время арест тех же подсудимых не соответствует обстановке», было решено осужденных уволить в административном порядке со службы и выслать «в порядке охраны» в Якутскую область. Это происходило в мае. В сентябре, когда манчжурская армия была вывезена с Востока, когда попытка восстания в Свеаборге и Кронштадте кончилась «победой» самодержавия, «обстановка» изменилась настолько, что суд, снова рассмотрев дело союза военнослужащих, побоялся усилить наказание всем подсудимым: некоторые были приговорены к ссылке на поселение (Дмитревский), другие к крепости на 2 года и т. д.

Еще по дороге к Чите из Иркутска ген. Меллер-Закомельский телеграфировал начальнику генерального штаба о читинском губернаторе ген. Холщевникове: «О Холщевникове говорят, что он по требованию бунтовщиков сдал стачечному комитету почтово-телеграфную контору, освободил из каторжной тюрьмы матросов «Потемкина» [«Прута» — В. М.]; вообще действует солидарно с революционерами» (д. № 76, тел. № 52). В телеграмме от 19 января он прямо заявляет: «Нахожу необходимым расстрелять ген. Холщевникова, как явно примкнувшего к шайке бунтовщиков» (д. № 76, тел. № 100). Позже, уже после взятия Читы, ген. Меллер-Закомельский в телеграмме Николаю II обвиняет ген. Холщевникова только «в преступном попустительстве», «потворстве всем действиям революционеров» и т. д. Так же квалифицировал действия ген. Холщевникова и ген. Ренненкампф. Он сперва отстранил от должности и арестовал ген. Холщевникова, но затем освободил, признав все же необходимость предать его суду.

С. Ю. Витте в письме Николаю II заявил о необходимости «немедленно судить всех виновных [в читинских событиях — В. М.] и прежде всего губернатора ген. Холщевникова» (д. № 81). 5 марта ген. Ренненкампф потребовал предания ген. Холщевникова суду по обвинению его в сочувствии революционному движению в Чите, в связи с чем он «допустил» вооружение рабочих, устройство митингов, передачу в руки революционеров почтово-телеграфных учреждений, приказал выпустить из Читинской тюрьмы, гауптвахты и Акатуевской тюрьмы политических заключенных.

Таким образом Меллер-Закомельский и Ренненкампф из генерала, довольно усердно боравшегося весь 1905 г. с революционным движением в Чите, сделали революционера, и 24 апреля ген. Холщевников был предан суду. Одновременно был отдан под суд б. командир Читинского полка ген. Румшевич.

Сам ген. Холщевников в своих показаниях, данных ген. Сычевскому, о возможности разоружения читинских рабочих, говорил так: «Принять меры к отобранию у рабочих захваченного ими оружия я не мог с наличными силами гарнизона... Такое действие при огромности числа зданий, мастерских, депо и других стационарных построек и огромной рабочей слободки, где оружие могло быть сложено по частям, и при наличности вооруженной более чем 3-тысячной массы рабочих обещало полный неуспех; опять-таки нужна была артиллерия, чтобы угрозой разрушения зданий можно было заставить революционеров сдать все захваченное ими оружие; действовать без артиллерии при слабом гарнизоне было крайне рискованно, можно было остаться

совсем без гарнизона в случае столкновения и неудачи». Почта была передана городскому управлению, по словам ген. Холщевникова, решением особого совещания, на котором он поставил на голосование вопрос об этом в следующей форме: передать ли городскому управлению почту и телеграф мирным путем, не призывая вооруженной силы или отказать в требовании и довести дело до кровопролития? Большинство высших чинов местной администрации высказалось за передачу почты. «Я не мог опереться на слабые силы Читинского полка, — пишет в своих показаниях ген. Холщевников, — не мог рисковать почтой, казначейством и банком; в случае неудачи полка я мог остаться без войск, и тогда все перешло бы в руки революционеров»...

Военный суд 13 мая приговорил ген. Холщевникова к заключению в крепости на 1 год 4 месяца с исключением из службы без лишения чинов, но с лишением некоторых прав, а ген. Румшевичу объявил выговор.

* * *

Дела о ген. Холщевникове и союзе военнослужащих были последними делами, созданными ген. Ренненкампом, как начальником карательной экспедиции. Им было подготовлено еще судебное дело, которое он сам называл «последним». Это дело о 140 ж.-д. служащих, участниках «мятежных организаций» на Забайкальской жел. дороге. Но это дело ген. Ренненкампа до конца не довел. С гораздо меньшим количеством привлеченных оно рассматривалось позднее — в 1910 г.

19 мая ген. Гродеков телеграфировал военному министру, что ген. Ренненкампа «возложенное на него по высочайшему повелению поручение окончил, 16 мая прибыл в Харбин и уволен в 4-месячный отпуск для лечения эссенциальными минеральными водами» (д. № 313).

26 мая ген. Ренненкампа издал свой последний приказ, в котором он признал «основными причинами всей смуты общий отголосок всероссийских беспорядков, прочность организации РСДРП, ошибочное мнение начальствующих лиц о недостаточности войск в Забайкалье, подорванный воинский дух среди большинства начальников и отсутствие проявления твердости и инициативы местных властей» (д. № 314).

Одно в этом генеральском анализе причин событий 1905 г. было совершенно правильным — это признание «прочности организации РСДРП», другими словами, признание огромной роли с.-д. большевистской организации в революционном движении Забайкалья. В своем приказе ген. Ренненкампа «сердечно радуется», что ему «не пришлось прибегнуть к беспощадным мерам» для восстановления порядка. Казни, каторжные приговоры, высылки, массовые аресты и т. д. — все это не «беспощадные меры»! Порядок на Забайкальской жел. дороге он считал «совершенно восстановленным».

Насколько ген. Ренненкампа правильно оценивал результаты этой миссии, видно из тех документов, которые мы публикуем для иллюстрации действительного настроения масс Забайкалья весной и летом 1906 г. 27 апреля, в день открытия Государственной думы, начальник Забайкальской ж. д. Свентицкий отдал распоряжение «отслужить молебствие о здравии государя императора». Небольшая часть мастеровых — доносит в тот же день начальник ж.-д. мастер

¹ Впоследствии ген. Холщевников, как и следовало ожидать, был помилован.

ских — придя на молебен о здравии государя императора и августейшего семейства, перед молебном и после него пропели революционные песни» (д. № 324). В июле произошло вооруженное восстание саперного батальона. 1 августа во время беспорядков в ж.-д. мастерских 3-я рота 18-го полка отказалась открыть огонь по толпе рабочих, «вызывавшая энтузиазм толпы». 2 августа ген. Гродеков предлагает телеграфировать ген. Сычевскому: «Очевидно, в Чите революция пошла усиленным темпом. Надо быть бдительными и помнить, что население Читы владеет 4 тыс. 3-линейных винтовок и 300 тыс. патронов. Как-никак, а при умелом распоряжении со стороны мятежников и при растерянности с нашей стороны это сила внушительная» (д. № 330). Все эти факты ярко показывают, насколько глубоко революционное движение 1905 г. проникло в массы. Жесткие репрессии, обрушившиеся на Забайкалье и в особенности на Читинскую губернию в начале 1906 г., сами по себе не могли уничтожить революционной активности рабочих масс.

Как ответила с.-д. организация Сибири на наступление контрреволюции в лице ген. Ренненкампа и Меллер-Закомельского?

В феврале 1906 г., в самый разгар свирепых действий ген. Ренненкампа, «Забайкальский рабочий» — орган Читинского комитета РСДРП — писал: «Возврата к прошлому нет и быть не может. Кровавое подавление декабрьского и январского восстания пролетариата есть лишь временная победа царизма... Ложь, хитрость, штыки, провокация, нагайки, пулеметы и даже пушки — все, чем был силен старый режим, — все это соединилось для борьбы с восстанием. И против всех этих мрачных, страшных сил старого строя — пролетариат, одинокий, покинутый буржуазией, неподготовленный, невооруженный. Но и при таких условиях он сумел показать всю свою силу и мощь... Затаи же в груди месть, вооружись, организуйся, пролетариат! За муки и позор своих товарищей, за стоны и вопли избиваемых, за убитых и замученных твоих братьев по делу ответь своему волевному недругу — самодержавию — могучим и страшным оружием — вооруженным всероссийским восстанием. «Горе побежденным!» — воскликнем мы, когда победоносное восстание сметет все остатки царизма, и тогда народный суд сумеет найти всех залитых кровью побежденного на время народа!» (д. № 101). В другой статье «Забайкальского рабочего» Читинский комитет пытался дать объяснение причин неудачи читинского восстания: «Если оставить в стороне ошибки и промахи нашего комитета, — ошибки неизбежные и понятные, — ведь не ошибается лишь тот, кто ничего не делает, — то ясно, что главной причиной сдачи нужно считать оторванность Читы от России. Каждый рабочий невольно чувствовал, что без поддержки товарищей других городов сопротивление является безцельной жертвой» (д. № 315). Если это и было в известной мере верным в отношении событий 21—22 января в Чите, то во всяком случае те обобщения, которые были сделаны в связи с этим Читинским комитетом, ни в коем случае нельзя назвать правильными. В этих обобщениях звучали неверные нотки: «Читинское восстание показало наглядно, что революция имеет силу постольку, постольку ее отдельные моменты связаны друг с другом. Оно неустанно будет доказывать, что правительство всегда способно раздавить отдельные вспышки и восстания... Оно учит и требует, чтобы следующие

шее выступление было одновременным, чтобы не было отдельных восстаний в Чите, Красноярске, Нижнем, Москве... Впрочем, в дальнейшем, говоря о том, что дано Читинским восстанием, статья в некоторой мере исправляет свою ошибку: «Во время читинских событий наш комитет сумел широко использовать завоеванную свободу. Было издано около 200 тыс. листовок, изданы были программы партии и сборник революционных песен в 40 тыс. экземпляров, издано было 5 номеров с.-д. «легальной» газеты. Громадная масса митингов, собраний, рефератов — ведь все это нам дало Читинское восстание. А устройство открытого рабочего съезда, а организация совета солдатских и казачьих депутатов, а организация союза военнослужащих?! Наконец широкое аграрное движение среди казаков и крестьян на почве захвата кабинетских земель и громадное движение по всей линии Забайкальской и части Восточно-Китайской ж.-д. — ведь все это дало делу революции Читинское восстание». Далее статья говорит о роли буржуазии в революции, необходимости демократизации партийной организации и заканчивает совершенно неоспоримым указанием на то, что в Чите революция достигла больших пределов сравнительно с событиями в других местах России.

Все статьи и прокламации этого времени сибирских с.-д. организаций и в особенности Читинского комитета говорят о вооруженном восстании, как о ближайшей конкретной задаче, к которой необходимо готовиться на основе опыта событий 1905 г., говорят о необходимости расширения и укрепления работы с.-д. организаций, о союзе пролетариата и крестьянства. «В своей борьбе за свободу пролетариат не будет одинок, к нему примкнет сильный союзник — крестьянство, борющееся за волю и землю», говорит Читинский комитет в «Письме отъезжающего рабочего к товарищам» в марте 1906 г. (д. № 337).

Несмотря на огромные аресты, высылки, порку, массовые расстрелы, казни лучших представителей революционного пролетариата Сибири — по преимуществу членов партии, — партийные организации в большинстве городов Сибири, за время революционных событий 1905 г. сумевшие крепко связаться с широкими массами пролетариата, очень быстро восстановили разбитые организации, сплотили партийные силы и еще шире и глубже развернули работу.

В мае 1906 г. состоялся 2-й съезд Сибирского союза РСДРП. В извещении о съезде Союзный комитет писал: «Если во времена свободы (ноябрь и декабрь) некоторые из наших организаций, например Читинский и Красноярский комитеты, доходили в своем развитии до частичного захвата власти, зато потом, в январе и феврале, реакция в лице карательных поездов Ренненкампа и Закомельского смела массу наших организаций, особенно мелких, по линии почти целиком. Реакция пронеслась ураганом, но несмотря на все ее неистовства, работа, по крайней мере в городских организациях, не прерывалась, общие связи по району остались тоже невредимыми, и к моменту 2-го съезда наши организации успели не только наверстать потери, но и вырасти. Все разрушенные организации восстановились, прибавилось четыре новых».

Эсеровская организация в Сибири ответила на карательные экспедиции неудачным покушением на ген. Ренненкампа.

* * *

Карательные экспедиции ген. Ренненкампа и ген. Меллер-Закомельского сыграли свою роль. Они положили конец всяким иллюзиям насчет возможности иных путей борьбы с самодержавием, кроме вооруженного восстания. Вместе с тем они показали необходимость более «активной, смелой, предприимчивой и наступательной борьбы за колеблющееся войско», большего воздействия со стороны пролетариата на сибирское крестьянство в деле вовлечения его в непосредственную революционную борьбу и организационного закрепления таких форм борьбы, как революционные крестьянские комитеты, более тесной руководящей связи пролетариата с революционной борьбой трудящегося населения национальных районов, территориального расширения всего движения дальше за пределы узкой полосы ж.-д. магистралей и, наконец, большей четкости и определенности действий со стороны партии пролетариата, руководившей революционной борьбой. «Надо, чтобы руководители революционных партий шире и смелее ставили свои задачи в такое время, чтобы их лозунги шли всегда впереди революционной самостоятельности массы, служа маяком для нее, показывая во всем его величии и всей его прелести наш демократический и социалистический идеал, показывая самый близкий, самый прямой путь к полной, безусловной, решительной победе».¹

Опыт революции и контрреволюции в Сибири в 1905 — 1906 гг. был учтен сибирскими рабочими. После ряда лет глухой реакции и империалистической войны на долю Сибири выпали большие испытания в период Октябрьской революции. Силами российской контрреволюции, интервентов, меньшевиков и эсеров Сибирь и Дальний Восток на несколько лет были превращены в арену ожесточенной гражданской войны. Море крови сибирских рабочих и крестьян, разграбленные города, испепеленные деревни, разрушенные заводы, затопленные шахты, взорванные мосты оставили после себя выброшенные из пределов Сибири враги пролетарской революции.

Рабочий класс и крестьянство Сибири не смогли бы выдержать этих испытаний и победить без того опыта побед и поражений революции 1905 г. — этой «генеральной репетиции Октября», — которая «показала друг другу — и всему миру — в се классы (и все главные партии) русского общества в их действительной природе, в действительном соотношении их интересов, их сил, их способов действий, их ближайших и дальнейших целей»²

Рабочий класс в Сибири в 1905 г. вел героическую борьбу под знаменем революционной социал-демократии, под знаменем большевиков. Под руководством партии большевиков он одержал победы в годы гражданской войны и с величайшим энтузиазмом одерживает одну победу за другой на фронте социалистического строительства, превращая Сибирь — колонию царской России, Сибирь — край ссылки и торговли в мощный индустриальный центр СССР, один из опорных пунктов борьбы за мировой Октябрь.

В. Максakov.

¹ Ленин. Сочинения, т. VIII, стр. 109.

² Там же, т. XX, стр. 13 — 14.

Наименование войск	Места расквартирования	Примечания
1-й Аргунский казачий полк	Харбин	
1-й и 2-й Восточно-сибирские осадные артилл. парки	»	
1-я и 2-я мортир. парков. артилл. див.	Цицикар	
Первые дивизионы 25-й, 29-й и 30-й артилл. бриг.	Ажехе	
1-й, 2-й, 3-й Восточно-сибирские воздухоплават. бат.	Харбин	
Осадный инженерный парк	»	
1-й понтонный бат. штаб 1-й и 3-й рот	»	
2-я рота	Лошагоу	
4-я рота	Тхойнмяо	
1-й Сибирский понтонный бат.	Харбин	
2-й Сибирский понтонный бат.	?	
Штаб и одна рота	Таолайчжоу	
Одна рота	Лошагоу	
Рота 8-го саперного бат.	Бодунэ	

Генерального штаба капитан (подпись)
 (В. И. А., ф. Военн. Мин., д. № 1485, лл. 109 — 110.)

ГЛАВА II.

ОРГАНИЗАЦИЯ КАРАТЕЛЬНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ В СИБИРЬ.

Приказ Николая II главнокомандующему ген. Линевицу сформировать на востоке карательный отряд. — Переписка о передаче шифрованной царской телеграммы при содействии иностранного телеграфа. — Беспокойство, проявленное Николаем II по поводу задержки с посылкой отряда Ренненкампа. — Выезд ген. Ренненкампа в Харбин и получение им инструкций. — Переписка гр. Витте и военного министра Редигера об организации второй встречной экспедиции с запада. — Кандидатура ген. Сухотина в начальники западного карательного отряда. — Неосведомленность министра внутренним дел о мероприятиях военного ведомства. — Вел. кн. Николай Николаевич — автор проекта посылки в Сибирь карательных экспедиций. — Приказ Николая II о посылке с запада отряда ген. Меллер-Закомельского. — Переписка об организации этого отряда. — Полномочия, данные Меллер-Закомельскому. — Выезд обоих отрядов. — Попытки правительства законспирировать посылку карательных отрядов.

№ 45. Телеграмма Николая II главнокомандующему ген. Линевицу. ¹

Nagasaki. Commissaire général. Général Daniloff.

Его величество повелел прилагаемую шифрованную телеграмму передать незамедлительно ген. Линевицу. Прошу вас исполнить это безотлагательно.

Содержание телеграммы: Продолжающаяся смута и сопротивление законным властям служащих на Сибирской магистрали ставят армию и государство в ненормальное положение и задерживают эвакуацию войск.

В устранение столь исключительных обстоятельств повелеваю: безотлагательно возложить на генерал-лейтенанта Ренненкампа восстановление среди всех служащих на Забайкальской и Сибирской ж. д. полного с их стороны подчинения требованиям законных властей. Для достижения этого применить все меры, которые ген. Ренненкампа найдет необходимым для исполнения поставленной ему обязанности.

Мятежный дух среди части телеграфно- и ж.-д. служащих, необходимость обеспечить и вывести армию из ее тяжелого положения побудят доверенного мною генерала не останавливаться ни перед какими затруднениями, чтобы сломить дух сопротивления и мятежа.

¹ Опубликовано с другой копии в журн. «Красный архив», № 1, стр. 330 — 331 в статье В. М. «К истории карательных экспедиций в Сибири».

Повелеваю вам выделить в распоряжение ген. Ренненкампа необходимую ему надежную вооруженную силу в размере по его усмотрению. В его же распоряжение назначьте инженера, офицера генерального штаба и лиц по его выбору.

Деятельность ген. Ренненкампа, направленная главным образом к ж.-д. служащим, должна быть согласована с деятельностью в этом направлении начальника тыла армии и главного начальника Сибирского военного округа, но в случаях, не терпящих отлагательств действия по восстановлению законного порядка на линии и подчинению их требованиям властей должны быть им принимаемы вполне самостоятельно, руководствуясь стремлением обеспечить армии и правительству беспрепятственное пользование железною дорогою и телеграфом.

Всякое вмешательство постороннего и законом не установленного влияния на ж.-д. служащих и телеграфистов должны быть устраняемы быстро и с беспощадной строгостью всяческими мерами.

Передайте Ренненкампу, что я и Россия ожидаем от его энергичной деятельности быстрого и окончательного выхода из тяжелого и ненормального положения, в котором находится в настоящее время эта важнейшая государственная линия благодаря смуте ж.-д. служащих и подстрекательств извне.

Мои повеления приведите в исполнение безотлагательно. № 673.

Подписал: ген. Редигер.

Верно: коллежский ассесор Зотимов.

На д п и с и: «Подчеркнутое шифровано». ¹

«Эта телеграмма отправлена 13-го сего декабря с фельдъегерем в Эйдкунен, откуда и будет отправлена по назначению».

13 декабря 1905 г.

(В. И. А., ф. Военн. Мин., д. № 76, лл. 1—3.)

№ 46. Телеграмма ген. Данилова из Иокогамы через Вержболово.

Телеграммой получил кредит. Послал Субботичу много документов, которые частью еще в пути, по адресу (Петербург), Надеждинская, 21. Благодарю (за) сообщение (и) неожиданное назначение. Передайте ген. Редигеру — высочайшую шифрованную депешу отправил важными пароходами двумя нарочными офицерами. № 364.

Данилов.

(Из Вержболово передана подполковником Мясоедовым.)

(В.И.А., ф. Военн. Мин., д. № 76, л. 19.)

№ 47. Телеграмма военного министра командующему войсками Сибирского военного округа ген. Сухотину.

Прилагаемую телеграмму прошу вас передать по телеграфу Линевицу. Одновременно пошлите нарочным по железной дороге для вру-

¹ Подчеркнут весь текст, кроме адреса, номера телеграммы и подписей.

чения ее главнокомандующему. Сверх сего, по пути, посланному надлежит отправить по телеграфу содержание телеграммы его величества со станции, откуда дальнейшее направление может считаться обеспеченным.

Далее изложено содержание высочайшей телеграммы, тождественное с текстом высочайшей телеграммы, переданной ген. Данилову для передачи главнокомандующему (телеграмма военного министра ген. Данилову № 673).

Подлинную подписал ген. Редигер. Телеграмма отправлена 13 декабря № 9671 и повторена 17 декабря № 9933.

Верно: подполковник Лебедев.
(В. И. А., ф. Военн. Мин., д. № 76, л. 9.)

№ 48. Телеграмма российского посла в Китае Покотилова
военному министру ген. Редигеру.

Секретная.

«Я получил телеграмму вашу от 13 декабря. Отправил главнокомандующему высочайшую телеграмму на его имя в 5 экземплярах: 1) чрез Шанхай на пароходе Северного телеграфного общества с Бернером, главным местным директором, выезжающим во Владивосток сегодня для починки кабеля, и попросил его вручить эту телеграмму военному губернатору Приморской области для пересылки ген. Линевицу; 2) чрез китайское министерство иностранных дел, которое обещало доставить телеграмму чрез гиринского дзянь-дзюня; 3) чрез управляющего консульством в Инкоу, отправившего телеграмму сегодня с нарочным; 4) также чрез Инкоу с слугою Чжоумяня, преданного нам даотая; 5) с нарочным чрез Синминтин и Тяндзинь. Полагаю, что приблизительно в шестидневный срок телеграмма должна быть получена главнокомандующим.

Покотил о в.

18/31 декабря 1905 г., Пекин.

(В. И. А., ф. Военн. Мин., д. № 76, л. 13.)

№ 49. Записи в дневнике ген. Линевица.

25 декабря 1905 г. Получил телеграмму от ген. Селиванова из Владивостока, пришедшую через Шанхай, о назначении Ренненкампа сломить упорство социалистов, а главное — желание их захватить железные дороги и власть, равно и правительственный телеграф, что уже давно в их руках.

26 декабря. Ту же телеграмму получил из Пекина от Покотилова.

27 декабря. Приехал в 3 часа в Харбин и после встречи я уехал к себе на квартиру.

Дорогою в Шауценцю заходил ко мне в вагон Куропаткин, и с ним я беседовал вообще о положении дел и о назначении ген. Ренненкампа сломить социал-демократов, стремящихся захватить на Дальнем Востоке власть в свои руки, т. е. железные дороги и телеграф правительства.

Вечером был с визитом у ген. Н. И. Иванова.

Приехал из Омска офицер, переодетый в штатское, и привез телеграмму государя о назначении Ренненкампа для обуздания социал-демократов. Не понимаю, почему именно они переодеваются, когда все ездят по железной дороге свободно?

31 декабря. Сегодня возвратился в Лошагоу. Дорогою меня навистил ген. Куропаткин, с которым мы говорили о том, какой план дать Ренненкампу при отправлении его на укрощение социалистов... 2 января 1906 г. Сегодня, 2 января, придет ко мне ген. Ренненкамф получить от меня окончательные инструкции.

В 5 1/2 час. пополудни Батянов уехал из Харбина совершенно благополучно, хотя Куропаткин мне говорил, что даже в Харбине на станции железной дороги выставлен батальон, чтобы выручить Батянова.

Приезжал ген. Ренненкамф ко мне откланяться; он уезжает в командировку усмирять железнодорожников в Забайкальи и на Сибирской дороге...

(Сборник «Русско-японская война», Гиз, 1925, стр. 126.)

№ 50. Шифрованная телеграмма Николая II главнокомандующему Линевичу.

Самоуправство стачечных и других комитетов внесло смуту и своеволие по всей Сибирской магистрали в население местности, прилегающей к железной дороге.

Не обузданное в начале закономерными действиями властей, самоуправство это местами приняло характер мятежа и отрицания законных властей.

Получаемые сведения указывают, что вами не приняты были своевременные меры для удержания железных дорог, телеграфа и вам подчиненных областей от непрерывающегося и по настоящее время самоуправства и своеволия стачечных комитетов железно- и телеграфно-служащих.

Посланное вам три недели назад повеление о посылке ген. Ренненкампа, насколько мне известно, до сих пор не приведено в исполнение.

Повелеваю вам немедленно его исполнить и в кратчайший срок примерно наказать виновных в самозванном присвоении себе власти по всей строгости законов военного времени и установить по всей ж.-д. полосе и прилегающих к ней городах беспрекословное исполнение требований законных властей.

О принимаемых мерах и достигнутых результатах доносите мне ежедневно телеграфом.

Царское село, 27 декабря 1905 г.

Николай.

(В. И. А., ф. Военн. Мин., д. № 1487, л. 5.)

№ 51. Запись в дневнике ген. Линевича.

6 января [1906 г.]. Тихо, сильный мороз; парад отменил. Сегодня получил телеграмму государя императора, в коей государь гневно относится ко мне за то, что допустил стачечников и забастов-

щиков своевольничать и самоуправничать на сибирских дорогах и в прилегающих городах.

Я во все центры и Ренненкампу дал предписание освободить дороги наши сибирские и города от всяких стачечных комитетов.

Кажется, начинается новая борьба у нас, но она будет слабее ноябрьской.

(Сборник «Русско-японская война», стр. 127.)

№ 52. Шифрованная телеграмма главнокомандующего Линевича Николаю II.¹

Телеграмма от 14 декабря относительно командирования ген. Ренненкампа мною получена. Вместе с сим мною предписано ген. Ренненкампу отправиться в командировку для исполнения в точности повеления, возложенного вашей телеграммой. Из Харбина ген. Ренненкамф предполагает выехать 6-го; главному начальнику тыла мною предписано оказывать всеми средствами полное содействие ген. Ренненкампу; равно сообщено о том же ген. Сухотину (№ 2921).²

Главнокомандующий генерал-адъютант Л и н е в и ч.

Лошагоу, 2 января 1906 г.

(Осб. отд. Ц. И. А.. Папка всеподдан. донесений из действующей армии, 1906 г., л. 2а.)

№ 53. Телеграмма ген. Ренненкампа главнокомандующему ген. Линевичу.

Лошагоу, главнокомандующему.

Доношу: сейчас выезжаю в Харбин. Командование корпусом передаю ген. Экк. № 6.

Ренненкамф.

4 января 1906 г.

(В. И. А., д. № 1487, л. 4.)

№ 54. Предписание главнокомандующего ген. Линевича ген. Ренненкампу.

Командированному по высочайшему повелению на Сибирскую и Забайкальскую ж. д. командиру 7-го Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенанту Ренненкампу.

Вследствие рапорта от 1-го сего января за № 5, в котором вы излагаете, какие мероприятия необходимы для успешного выполнения высочайше возложенного на ваше превосходительство поручения, уведомляю:

1. Вполне соглашаюсь с мнением вашего превосходительства, что для упорядочения движения войсковых эшелонов на Сибирской и Забайкальской ж. д. желательнее отправлять запасных в составе штатных частей войск, но так как отправление запасных 2-й категории начнется не ранее 25 января, то в виду столь продолжительного срока до начала отправления их давать какие бы то ни было по этому поводу распоряжения нахожу пока преждевременным.

2. Если для поддержания порядка в Забайкальской области, и главным образом по линии Забайкальской ж. д., отправляемой ныне туда

¹ Опубликовано в журн. «Красный архив», № 1, М. 1922, стр. 335.

² Телеграмма была передана кабелем через Вигу на Эйдкунен, откуда доставлена почтой начальнику генерального штаба.